

УДК 811.111.8

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-87-94

СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ДИНАМИКИ ДЕЙСТВИЯ В СКАЗКАХ К. ЧУКОВСКОГО

© Цзинь Ланьцзя

MEANS OF THE ACTION DYNAMICS ENHANCEMENT IN THE FAIRY TALES BY K. CHUKOVSKY

Jin Lanjia

Managing the dynamics of action helps the author to weaken or intensify the intensity and expressiveness of events in the plot of a literary work. This tactical device is closely related not only to the categories of tense and aspect in Russian verbs, but also to the lexical system of the Russian language. This article, from the perspective of communicative grammar, examines various means of enhancing the dynamics of action in the Russian language based on Korney Chukovsky's poetic fairy tales. The analysis of this material is relevant because in Chukovsky's tales, the means of intensifying action dynamics are used not only actively but in direct connection with the author's artistic objectives. Moreover, as children's literature, Chukovsky's tales train young readers to perceive action dynamics in fictional texts. The aim of the study is to identify the lexical and grammatical means, used by Chukovsky, to enhance action dynamics, and to analyze the characteristics of their application and interaction. The study was carried out using the methods of communicative-grammatical analysis within the framework of G. A. Zolotova's communicative-functional grammar. Several groups of tools for enhancing action dynamics are identified and illustrated with examples – syntactic, morphological, lexical, word-formation, etc. The article reveals the important role of verbal predicates and verbless constructions. A comparison is made between different fairy tales by Chukovsky in the context of the topic under consideration, showing that the means of intensifying action dynamics are tied to specific plot moments. The article concludes that the investigation of tools for enhancing the dynamics of action in Chukovsky's tales is a key to understanding how language can become a conduit into the world of imagination – where grammatical rules and poetic freedom merge into one single whole, captivating both children and adults alike.

Keywords: time category, enhancement, intensity, expressiveness, communicative grammar

Управление динамикой действия помогает автору ослабить или усилить интенсивность и экспрессивность событий в сюжете произведения. Этот тактический прием тесно связан не только с категориями времени и вида русского глагола, но и с лексической системой русского языка. В статье, с позиций коммуникативной грамматики, рассматриваются различные средства усиления динамики действия в русском языке на материале стихотворных сказок К. Чуковского. Анализ этого материала является *актуальным*, поскольку в сказках Чуковского средства усиления динамики действия используются не просто активно, но в прямой связи с художественной задачей автора. Кроме того, будучи детскими произведениями, его сказки приучают детей к восприятию динамики действия в художественном тексте.

Цель исследования – выявление используемых К. Чуковским лексических и грамматических средств усиления динамики действия и анализ особенностей применения и взаимодействия этих средств. Исследование было осуществлено с использованием *методов* коммуникативно-грамматического анализа текста в русле коммуникативно-функциональной грамматики Г. А. Золотовой. Выделяются и иллюстрируются примерами несколько групп средств усиления динамики действия – синтаксические, морфологические, лексические, словообразовательные и т. д. Выявляется особенно важная роль, с одной стороны, глагольных предикатов, с другой – безглагольных предложений. Проводится сопоставление различных сказок К. Чуковского в аспекте рассматриваемой темы и выявляется прикрепленность средств усиления динамики действия к определенным сюжетным моментам. В результате исследования обнаружено, что исследования средств для усиления динамики действия в сказках К. Чуковского – это ключ к пониманию того, как язык может стать проводником в мир воображения, где грамматические правила и поэтическая свобода сливаются воедино, увлекая за собой и ребенка, и взрослого.

Ключевые слова: динамика действия, К. Чуковский, сказки, экспрессивность, коммуникативная грамматика

Для цитирования: Цзинь Ланьцзя. Средства усиления динамики действия в сказках К. Чуковского // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 87–94. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-87-94

К. Чуковский, как известный детский писатель и поэт, известен своими стихотворными сказками. Сказки Чуковского имеют глубокое воспитательное и познавательное значение. Он писал: «Цель сказочников... заключается в том, чтобы какою угодно ценою воспитать в ребенке человечность – эту дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостями другого, переживать чужую судьбу, как свою» [1, с. 223]. Тексты сказок Чуковского отличаются ритмичностью и динамичностью. Их лексические и синтаксические особенности, выбор лексики основаны на понимании автором детской психологии: например, дети более восприимчивы к описанию действий – *бегать, прыгать, скакать* и т. д., чем к описанию предметов [Там же, с. 390]. Не случайно сказки К. Чуковского служили руководством и для других писателей. А. Ивич говорит о том, что образцы, созданные Чуковским, «открыли богатые возможности перед нашей поэзией для малышей: „Учась у Чуковского умению организовать поток хорошо приспособленной для произнесения вслух ритмической речи, учась благозвучию, богатству рифмы, чёткости строения фразы, поэты получают прочную базу в работе над стихами для самых маленьких“» [2, с. 85]. Очевидно, что изучение языка Чуковского, в том числе средств усиления динамики действия в его стихотворных сказках, имеет как теоретическое значение для лингвиста, интересующегося закономерностями выбора и сочетания ресурсов языковой системы в соответствии с авторским замыслом и жанром текста, так и практическое значение для писателя, желающего понять законы построения динамичного и захватывающего текста «для самых маленьких».

Управление динамикой действия – это тактика, с помощью которой автор увеличивает или уменьшает напряженность и экспрессивность в сюжете, делая его более увлекательным и живым для читателя. Динамика действия в художественном тексте – это, прежде всего, скорость протекания отдельных событий и их следования одного за другим (быстрота или замедленность). «Скорость – „нетипичный“ параметр времени, так как характеризует не особенности движения времени как такового, а действия человека относительно временного потока» [3, с. 4]. «Прототипическая ситуация, в которой можно говорить о

скорости, – это ситуация передвижения: скорость тем больше, чем большее расстояние преодолевается в единицу времени. Однако, конечно, скорость может характеризовать и гораздо более широкий класс ситуаций, включающий любой процесс, который приводит к изменению положения дел» [4, с. 14].

Из этих определений следует, что динамика действия непосредственно связана с категорией времени, которая играет значительную роль в сказках, где время, наполненное сменяющимися друг друга событиями, постоянно движется вперёд. В сказках Чуковского смена событий очень быстрая. Сам автор говорил об этом так: «Вообще, я почти никогда не изображаю предметов в их статике. Тот мир, который я демонстрирую перед малым ребёнком, почти никогда не пребывает в покое. Чаще всего и люди, и звери, и вещи сломя голову бегут из страницы в страницу к приключениям, битвам и подвигам» [1, с. 390]. А языковые средства и текстовые приемы усиления динамики работают на ускорение смены событий и придание большей энергичности приключениям и столкновениям, которые делают сказки увлекательными для детей.

Наш анализ основывается на коммуникативно-грамматическом подходе, разработанном Г. А. Золотовой [5]. Этот подход ориентирован на обнаружение текстовых потенциалов разноуровневых средств языковой системы. Соответственно, важно понять, что в языковой системе является ядром и периферией поля средств усиления динамики действия.

Ядро поля средств усиления динамики действия – это совокупность языковых средств, которые непосредственно предназначены для создания эффекта стремительности и ускорения протекания событий в тексте. К ним относятся, например, лексемы, у которых значение быстроты или интенсивности действия входит в словарное толкование, или синтаксические конструкции с инфинитивом или глагольным междометием, которые являются специально предназначенными для усиления динамики модификациями лично-глагольных конструкций.

Периферию поля средств усиления динамики действия составляют вспомогательные средства, которые дополняют ядро. Эти средства, как и центральные, могут принадлежать разным языковым уровням. Сюда относятся, например, по-

втор или глагольные приставки со значением начала действия. В отличие от центральных средств, периферийные более зависят от контекста. Различие центральных и периферийных средств легко показать на сопоставлении наречия *быстро* и глагола *бежать* (центр поля) и текстовой тактики повтора (периферия поля). Глагол *бежать* в своем акциональном значении обозначает быстрое движение: в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой это значение в толковании маркировано трижды: *Усиленно скорым движением, быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении* [6, с. 68] (здесь и далее разрядка наша – Ц. Л.). Наречие *быстро* в силу своей семантики всегда ускоряет действие, ср. *Он бежал – Он быстро бежал*. А вот повтор ускоряет действие далеко не всегда, ср.: *Он быстро-быстро бежал* (динамика действия усиливается) – *Он бежал-бежал...* и *Он долго-долго бежал* (динамика действия не усиливается).

К. Чуковский использует в своих сказках как центральные, так и периферийные средства усиления динамики действия весьма активно. Суть этого использования не может быть раскрыта при количественном подходе (простом подсчете количества использованных средств безотносительно их места в тексте). Она обнаруживается только при коммуникативно-функциональном подходе, позволяющем связать используемые автором языковые средства с авторской интенцией (во всем тексте и в его отдельных композиционных фрагментах), увидеть неравномерность распределения этих средств в тексте и объяснить это. Такой подход позволяет проследить, в каких фрагментах текста средства усиления динамики действия активизируются, как они соотносятся с композиционной структурой и какую роль играют в формировании ритма и темпа повествования.

Так, в сказке «Мойдодыр» средства усиления динамики действия распределяются неравномерно: они сконцентрированы в рассказе главного героя о произошедших с ним событиях, особенно в начале и середине сказки, когда сначала от него *убегают, улетают и ускакивают* его вещи, а затем разворачивается погоня, в которой он пытается спастись от «бешеной мочалки». Высокий темп действия задается в первом же предложении первой строфы (*Одеяло Убежало, Улетела простыня, И подушка, Как лягушка, Ускакала от меня* («Мойдодыр») [7, с. 30]) и продолжается до благополучного разрешения ситуации. А в конце сказки, где уже нет действия, а только оптимистическое обращение к читателю (*Надо, надо умываться По утрам и вечерам...Давайте же*

мыться, плескаться... («Мойдодыр») [Там же, с. 30]) средства усиления динамики действия не требуются, и их там нет.

Использование средств усиления динамики действия в сказке «Федорино горе» также функционально обусловлено: они встречаются там, где требуется показать экспрессивность и напряжение. В главах 1-5, когда посуда убегает от нерадивой хозяйки, динамика очень интенсивная – действия и сами протекают, и сменяют друг друга «перед глазами читателя» очень быстро:

Скачет сито по полям, А корыто по лугам. За лопатой метла Вдоль по улице пошла. Топоры-то, топоры Так и сыплются с горы...И помчались по улице ножи: «Эй, держи, держи, держи, держи, держи!» И кастрюля на бегу Закричала утюгу: «Я бегу, бегу, бегу, Удержаться не могу!» Вот чайник за кофейником бежит, Тараторит, тараторит, дребезжит...Утюги бегут, покрякивают, Через лижи, через лижи перескакивают. («Федорино горе») [Там же, с. 68–69]

С главы 6, когда посуда «остановилась», беглецы стали говорить, что устали, хотят домой, динамика уменьшается, и средства усиления динамики действия не встречаются. А в главе 7, когда посуда весело возвращается домой и темп снова быстрый, появляются и средства усиления динамики действия: *Полетели, Зазвенели Да к Федоре прямо в печь!* («Федорино горе») [Там же, с. 75].

В сказке «Муха-Цокотуха» динамика тоже не является равномерно распределённой, она возникает точно. До появления Паука повествование развивается на оптимистической ноте, но особой динамики в нем нет – она «смазана» итеративными предикатами несовершенного вида: *прибегали – выпивали – приходили – приносили – приходила – принесла*. А при появлении Паука со словом *вдруг* автор включает режим усиления динамики действия, что сопровождается сменой видовых характеристик предикатов и появлением глагольных междометий: *Но жуки-червяки Испугались, По углам, по щелям Разбежались...А кузнечик, а кузнечик, Ну, совсем как человек, Скок, скок, скок, скок!* («Муха-Цокотуха») [Там же, с. 19].

В результате наблюдений над тремя сказками можно выделить два типа использования средств усиления динамики действия. Первый тип – это фрагменты, в которых практически каждое предложение включает такие средства. Второй тип – это фрагменты, в которых средства усиления динамики действия либо отсутствуют вовсе, либо включаются «точечно», по контрасту с менее динамичным или нарочито статичным событийным фоном. Ярким примером последнего могут слу-

жить строчки из сказки «Муха-Цокотуха», где хладнокровное спокойствие Паука, с которым он делает свое дело, противопоставлено отчаянию Мухи (в выделенных строчках сразу два средства динамизации действия – *криком кричит и надрывается*, то есть «кричит изо всех сил»): *А злодей-то не шутит, Руки-ноги он Мухе верёвками крутит, Зубы острые в самое сердце вонзает И кровь у неё вытывает. Муха криком кричит, Надрывается, А злодей молчит, Ухмыляется.* («Муха-Цокотуха») [Там же, с. 19].

Перейдем к рассмотрению конкретных средств разных уровней, которые используются для усиления динамики действия в сказках К. Чуковского. Это практически весь языковой репертуар данных средств: синтаксические конструкции, лексические средства, морфологические средства, словообразовательные средства и тактические текстовые приёмы.

Наиболее значимым синтаксическим средством для усиления динамики действия в сказках К. Чуковского является безглагольное предложение с фазисно-начинательным и экспрессивным значением. Такой вид предложения также принято называть эллиптическим или неполным предложением. Эллипсис в лингвистике определяется так: «...фигура речи, состоящая в преднамеренном пропуске элемента высказывания, что придаёт последнему динамичность, напряжённость, повышенную энергию» [8, с. 538]. В художественной речи такие предложения «передают эмоциональность, помогают создать выразительную, живую картину» [9, с. 217]. Примерами из сказок К. Чуковского могут послужить следующие, известные всем русским детям строчки: *Я за свечку, Свечка – в печку! Утюги за сапогами, Сапоги за пирогами, Пирог за утюгами, Кочерга за кушаком...* («Мойдодыр») [7, с. 30–32]. В них безглагольные предложения показывают, что действия (направленное движение) выполняются очень быстро и между ними нет слишком больших интервалов. Возможность построения таких предложений обеспечивается наличием в грамматической системе русского языка свободных предложно-падежных форм (синтаксем) со значением направления движения (директивных), которые «держат» свое значение в отсутствие глагола, не нуждаясь в нем.

Активно используются для усиления динамики действия в сказках К. Чуковского и лексические средства: наречия, глаголы, глагольные междометия, частицы, а также фразеологизмы, обозначающие быстроту действия.

Темпоральные наречия могут динамизировать действие, не только обозначая, что оно происходит быстро, но и подчеркивая неожидан-

ность, вводя тем самым позицию наблюдателя, в поле зрения которого что-то происходит: *Вдруг какой-то старичок Паучок Нашу Муху в уголок Поволок* («Муха-Цокотуха») [Там же, с. 18]; *Вдруг откуда-то летит маленький комарик* («Муха-Цокотуха») [Там же, с. 20]. В этих строчках темпоральное наречие *вдруг* вводит нового персонажа и резко разворачивает сюжет: показательно, что оба «судьбоносные» для Мухи и решающие для развития сюжета персонажа появляются таким образом. Неожиданность их появления для наблюдателя подчеркивается и использованием неопределенного местоимения *какой-то* и наречия *откуда-то*. Интересно, что во втором примере само действие комарика выражено глаголом несовершенного вида в настоящем времени, но, благодаря использованию *вдруг*, появление комара в поле зрения читателя представляется быстрым, одномоментным.

Глаголы – это, очевидно, самое прямое средство, используемое для усиления динамики действия, что ощущал и сам Чуковский, который писал: «... Я инстинктивно избегал прилагательных, определяющих качества, признаки и приметы вещей, и столь же инстинктивно тянулся к глаголам» [1, с. 2]. Проанализировав с интересующей нас точки зрения глаголы в сказках Чуковского, мы можем выделить четыре значимых для динамизации действия семантических группы.

1) Глаголы движения:

а. направленного движения (*прискакать, подбежать* и под.): *Но однажды поутру Прискакала кенгуру* («Тараканище») [7, с. 27]; *Я хочу напиться чаю, к самовару подбегаю* («Мойдодыр») [Там же, с. 30];

б. ненаправленного движения (*скакать, нестись*): *Чашка да ложки скачут по дорожке* («Федорино горе») [Там же, с. 69]; *А за ними блюдца, блюдца – Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля! Вдоль по улице несутся – Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!* («Федорино горе») [Там же].

2) Глаголы конкретного физического действия с семой интенсивности: *А лихие обезьяны Подхватили чемоданы* («Тараканище») [Там же, с. 26]; *Подлетает к Пауку, Саблю вынимает И ему на всём скаку Голову срубает!* («Муха-Цокотуха») [Там же, с. 20].

3) Глаголы речевого действия, например, *тараторить* – ‘говорить очень быстро, без умолку’: *Вот и чайник за кофейником бежит, тараторит, тараторит, дребезжит...* («Федорино горе») [Там же, с. 69].

4) Фазисные глаголы, например, *пуститься*: *Как пустился я по улице бежать* («Мойдодыр») [Там же, с. 35].

Уже на этих примерах мы можем наблюдать взаимодействие различных средств выражения динамики действия. Использование глагола, обозначающего быстрое движение (*бежать, нестись*), в сочетании с обозначением резкого, громкого звука, вызываемого этим движением и обозначаемого междометием (*Дзынь-ля-ля!*) или глаголом (*дребезжит*), усиливается еще и повтором (*блюдца, блюдца... тараторит, тараторит*). Фазисный глагол *пуститься* образует составной предикат с глаголом быстрого движения *бежать*. К таким комплексам, усиливающим динамику действия, подключаются и глаголы, основа которых выражает быстрое движение, с фазисной (начинательной) приставкой: *И помчались по улице ножи* («Федорино горе») [Там же, с. 69]; *И они побежали лесочком, по скакали по пням и по кочкам* («Федорино горе») [Там же, с. 73].

Для передачи ускорения темпа используются и глагольные междометия, которые «обозначают частые, резкие или стремительные движения» [10, с. 732]. Они повторяются, соединяясь бессоюзно или союзом: *Скок, скок, скок, скок!* («Муха-Цокотуха») [7, с. 19]; *Прыг да прыг* («Тараканище») [Там же, с. 28]. Повтор глагольного междометия позволяет представить действие одновременно как продолжительное и разбитое на короткие, отрывистые сегменты, что делает динамику действия более интенсивной. Глагольные междометия могут включаться в одно предложение с безглагольными предикатами, создавая полипредикативную конструкцию, которая «наполнена» действиями, но при этом не содержит ни одной личной формы глагола: *А за нею Клоп, Клоп Сапогами топ, топ!* («Муха-Цокотуха») [Там же, с. 21]. См. также пример про кузнечика выше.

Динамизирующие частицы – *как, так и, тут, ну-ка* – также являются для Чуковского излюбленным средством демонстрации ускорения действия, которое может использоваться в предложениях с предикатами как прошедшего, так и настоящего времени: *И сейчас же брюки, брюки Так и прыгнули мне в руки* («Мойдодыр») [Там же, с. 35]; *А за нею каракатица — Так и пятится, Так и катится* («Тараканище») [Там же, с. 26].

Для усиления динамики действия К. Чуковский использует и фразеологизмы: *Звери дали стрекача* («Тараканище») [Там же, с. 25] – *давать стрекача* – ‘стремительно, быстро убежать’ [11, с. 122]; *Тут Федорины коты расфуфырили хвосты, побежали во всю прыть, чтоб посуду воротить* («Федорино горе») [7, с. 71] – *во всю прыть* – ‘с большой, максимальной ско-

ростью’ [11, с. 76]; *А лихие обезьяны Подхватили чемоданы и скорее со всех ног наутёк* («Тараканище») [7, с. 26] – *со всех ног* – ‘стремительно, опрометью’ [11, с. 396]. (См. также *на всем скаку* в примере выше). В последнем примере обращает на себя внимание тройное дублирование значения стремительности действия лексическими средствами – наречиями *скорее* и *наутек* и фразеологизмом *со всех ног*, причем все это – в безглагольной синтаксической конструкции.

Приведенные фразеологизмы в сказках Чуковского служат не только средством усиления динамики действия, но и добавляют сказкам культурное измерение, что способствует накоплению культурных знаний ребенка-читателя.

Важнейшим морфологическим средством для усиления динамики действия в сказках Чуковского является совершенный вид глаголов, используемых в коротких предикативных единицах, без «лишних» второстепенных членов, что позволяет гармонизировать синтаксическое и стихотворное, ритмическое членение текста так, что они работают на одну тактическую задачу – ускорение повествования: *И встал Айболит, побежал Айболит* («Айболит») [7, с. 44]; *Из окошка вывалился стол И пошел, пошел, пошел, пошел...* («Федорино горе») [Там же, с. 70].

Нагнетание глаголов совершенного вида подчёркивает либо непрерывность действия, либо небольшой интервал между двумя действиями.

Однако динамизирующую роль может играть и, напротив, смена темпов, выражающаяся через смену видовременных форм глагола, как это происходит в сцене встречи несущегося от мочалки неряхи с крокодилом в сказке «Мойдодыр»: *Вдруг навстречу мой хороший, Мой любимый Крокодил. Он с Тотошей и Кокошей По аллее проходил И мочалку, словно галку, Словно галку, проглотил. А потом как зарычит На меня, Как ногами застучит На меня...* [Там же, с. 35]. Здесь первая предикативная единица (безглагольная) передает быструю динамику действия (неожиданное появление крокодила перед глазами мчащегося по саду мальчишки), вторая (с предикатом прошедшего времени несовершенного вида) – размеренность и спокойствие движения ничего не подозревающего крокодила, третья (прошедшее время совершенный вид) – неожиданное для него самого событие (к нему в рот, как птица, влетела мочалка, он явно проглатывает ее произвольно). И тут уже, когда крокодил разгневался и начинает выражать свой гнев в своих внешних реакциях, действие резко динамизируется – появляются

глаголы в «настоящем историческом» времени (аористивные предикаты настоящего времени) в сопровождении усилительной частицы *как*. Таким образом, можно говорить о мастерстве К. Чуковского и в плане извлечения максимума художественного потенциала из использования одной грамматической формы, и в плане искусной композиции разных грамматических форм для решения художественной задачи, которой в данном случае, подчеркнем, является и управление динамикой действия (диктумный план), и передача точки зрения персонажей (модусный план). Фактически можно сказать, что Чуковский этим готовит детей к восприятию «большой» художественной литературы, в которой модусный и диктумный план всегда взаимосвязаны.

Из словообразовательных средств для усиления динамики действия востребованы глагольные суффиксы и приставки, которые могут работать вместе и по отдельности: *Перепрыгнул чрез ограду, а она за мною мчится*; («Мойдодыр») [Там же, с. 34]; *Подбежала Котауси к Мауси* («Котауси и Мауси») [Там же, с. 171].

Следует подчеркнуть, что динамизация действия может сочетаться в сказках Чуковского с передачей субъектной позиции не только внешнего наблюдателя, как мы видели выше в примере с *вдруг*, но и участника действия. В сказке «Мойдодыр» средства усиления динамики действия служат не только для изображения быстроты движения мальчика и преследующей его «бешеной мочалки» (диктумный план), но и для передачи того волнения, можно сказать, стресса, в котором находится герой сказки (модусный план). Мы не только внешне сопровождаем его бег по улицам Ленинграда и Таврическому саду, но и ощущаем его возбуждение и желание избавиться от преследователя.

Также для усиления динамики действия К. Чуковский активно использует такие текстовые приемы, как повтор, синтаксический параллелизм и сравнение.

Повтор, некоторые примеры которого мы уже видели выше, выступает как один из наиболее распространенных способов усиления интенсивности действия. В сказках Чуковского повторяться могут существительные, различные формы глагола, глагольные междометия и просто междометия. Особую роль играет контактный повтор, который является самым экспрессивным видом повтора и, взаимодействуя со стихотворным ритмом, позволяет совместить динамизацию диктумного плана и передачу сильной эмоции в модусном плане: *...Сбежали даже брюки, даже брюки, даже брюки, убежали от тебя* («Мойдодыр») [Там же, с. 32]; *И помчались*

по улице ножи: «Эй, держи, держи, держи, держи, держи, держи!» («Федорино горе») [Там же, с. 69].

Эти примеры демонстрируют особый тип динамизации повествования, который объем статьи не позволяет нам проанализировать подробно, – динамизацию прямой речи персонажей. Мойдодыр гневается на грязнулю, а в сказке «Федорино горе» говорящий торопливо кричит «держи» и ещё четыре раза «держи», а ножи, «не обращая внимания», убегают очень быстро и все дальше и дальше.

Ср. также: *И кастрюля на бегу, закричала утюгу: Я бегу, бегу, бегу, удержаться не могу!* (сказка «Федорино горе») [Там же, с. 69]. Здесь повтор глагола *бегу* подчеркивает не только скорость, с которой несется кастрюля, но и чувство неудержимости этого движения, которое она испытывает.

Синтаксический параллелизм при описании быстрого движения массы субъектов позволяет организовать не только время, но и художественное пространство, как бы заполнить его стремительно движущимися предметами: *Утюги за сапогами, Сапоги за пирогами, Пироги за утюгами, Кочерга за кушаком – Всё вертится, И кружится, И несётся кувырком* («Мойдодыр») [Там же, с. 32]. Интересно в данном примере сочетание в двух рядах синтаксически параллельных конструкций двух видов движения: направленного (в безглагольных предикациях с директивной синтаксемой *за + Творит. пад.*) и ненаправленного (в предикациях с глаголами на *-ся*, которые в контрасте с предыдущими акцентируют хаотичность, стихийность движения).

Сравнения у Чуковского связывают абстрактное движение с природными или бытовыми явлениями, делая скорость «наглядной» и эмоционально заряженной.

Приведем примеры динамизирующих действие сравнений из сказок Чуковского: *прыгает, как мяч* («Крокодил») [Там же, с. 110]; *Он вскочил в аэроплан. Полетел, как ураган* («Крокодил») [Там же, с. 100]; *Что вы скачете, как белки?* («Федорино горе») [Там же, с. 71].

С помощью таких сравнений Чуковский делает действие более ярким и насыщенным. И это помогает читателю, особенно маленькому, визуально представить себе и сами действия, и выполняющих их персонажей.

То, что в других сказках Чуковского каждое из упомянутых нами средств динамизации действия можно встретить неоднократно, не говорит о том, что эти сказки однообразны, написаны по одному шаблону. Каждая его сказка была оригинальной, неповторимой, и использование раз-

личных способов усиления динамики действия в ней подчинялось общему замыслу, стратегии автора.

В качестве примера для сравнения можно рассмотреть сказки «Мойдодыр» и «Федорино горе», в которых Чуковским поднимается проблема чистоплотности. В обеих сказках говорится о важности чистоты и описывается побег вещей от неряхи и их последующее возвращение, после того как неряха исправляется. Но между сказками есть существенные различия. Во-первых, повествование в сказке «Мойдодыр» ведётся от первого лица, которое (мальчик-грязнуля) не только наблюдает за убегающими вещами, но и само вовлекается в процесс движения, убегая от мочалки, а в «Федорино горе» – от третьего лица, наблюдателя, который никуда не мчится. Соответственно, средства, которые в диктумном плане, в изображении внешних событий, выполняют функцию усиления динамики действия в обеих сказках, в плане модусном работают по-разному. В «Мойдодыре» они помогают ощутить внутреннее состояние главного героя, который сначала наблюдает за вихрем уносящихся от него вещей, потом спасается от мочалки, потом несется домой исправлять ситуацию. В «Федорино горе» они обслуживают модусные позиции наблюдателя и убегающих предметов. Мочалка в «Мойдодыре» ничего не говорит в процессе движения, а посуда в «Федорино горе» наделена даром речи, и Чуковский мастерски показывает быстроту движения не только в предложениях, собственно изображающих перемещение, но и в то задыхающихся от бега, то решительных репликах предметов. Поэтому скорость действия в сказке «Федорино горе», помимо авторского текста, представляется во множестве коротких реплик (*Эй, вы, глупые тарелки, что вы скачете, как белки?; Я бегу, бегу, бегу, удержаться не могу!; Лучше в поле пропадём, а к Федоре не пойдём!* и т. п.) [Там же, с. 69–71], динамично чередующихся с ним. В «Мойдодыре» в прямой речи персонажей динамика действия тоже представлена, но эта прямая речь не убегающих персонажей, а «солидных» носителей слова – Мойдодыра и крокодила, которые никуда не торопятся, а отчитывают грязнулю с позиции взрослых. Кроме того, в сказке «Федорино горе» автор активно использует звукоподражания и восклицательные предложения, которые способствуют созданию ярких перцептивных образов и динамического ритма, активизации и зрительного, и слухового компонентов восприятия у ребенка: *«Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!»*, *«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»*, *«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!»* [Там же, с. 70–75]. С другой стороны, в

сказке «Мойдодыр» характеристика мальчика позволяет маленькому читателю ассоциировать себя с персонажем сказки, помогая понимать сюжет и смысл ее.

Следует отметить, что в обеих сказках убежавшие вещи возвращаются, причем так же динамично, как и убежали, «с помощью» тех же приемов: *Полетели, Зазвенели Да к Федоре прямо в печь! Стали жарить, стали печь* («Федорино горе») [Там же, с. 75]; *И сейчас же брюки, брюки Так и прыгнули мне в руки. А за ними пирожок: «Ну-ка, съешь меня, дружок!» А за ним и бутерброд: Подскочил – и прямо в рот!* («Мойдодыр») [Там же, с. 35]. Наступает так необходимый в детской сказке счастливый конец.

Таким образом, средства усиления динамики действия в сказках К. Чуковского вносят свой вклад в организацию художественного мира, создавая перед читателями живую и динамичную картину, которая помогает маленькому читателю понимать происходящее и идентифицировать себя с персонажами. Экспрессивность и яркая образность лежат в основе той успешности, с какой сказки Чуковского выполняют воспитательную функцию, доносят до детей правильные моральные ценности и привычки.

Список источников

1. Чуковский К. И. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 640 с.
2. Ивич А. Воспитание поколений. М.: Детская литература, 1969. 22 с.
3. Борисова Е. О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2016. 306 с.
4. Богуславский И. М. Иомдин Л. Л. Семантика быстроты. М.: Вопросы языкознания, 1999, № 6. С. 13–30.
5. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2004. 544 с.
6. Словарь русского языка: в 4-х т. под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1999, Т. 1. 702 с.
7. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1: Произведения для детей. М.: Агентство ФТМ. 2013. 598 с.
8. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. М.: Пилигрим, 2010. 486 с.
10. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 792 с.
11. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

References

1. Chukovski, K. I. (2019). *Maloye sobranie sochinenii* [Small Collected Works]. 640 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
2. Ivich, A. (1969). *Vospitanie pokolenii* [Upbringing of Generations]. 22 p. Moscow, Detskaya literatura. (In Russian)
3. Borisova, E. O. (2016). *Russkaya leksika so znacheniem bystroty I medlitel'nosti v semantiko-motovatsionnom aspekte: diss. ... kand. philol. nauk* [Russian Lexicon with the Meaning of Quickness and Slowness in the Semantic-Motivational Aspect: Ph.D. Thesis]. 306 p. Ekaterinburg. (In Russian)
4. Boguslavski, I. M. Iomdin, L. L. (1999). *Semantika bystroty* [Semantics of Speed]. Moscow, Voprosy linguoznaniya, No. 3, pp. 13–30. (In Russian)
5. Zolotova, G. A. Onipenko, N. K. Sidorova, M. Yu. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. 544 p. Moscow, In-t rus.yaz. im. V. V. Vinogradova. (In Russian)
6. *Slovar' russkogo yazyka* (1999) [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1, 702 p. Moscow, Russkii Yazyk, (In Russian)
7. Chukovski, K. I. (2013). *Sobranie sochinenii, v 4-ekh tomakh* [Collected Works: In 15 Volumes]. Pod red. A. P. Evgen'evoi. Tom 1: Proizvedeniya dlya detei. 598 p. Moscow, MTF Agency. (In Russian)
8. Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Full Dictionary of Linguistic Terms]. 562 p. Rostov-on-Don, Phoenix. (In Russian)
9. Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 486 p. Moscow, Pilgrim. (In Russian)
10. Shvedova, N. Yu. (1980). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. 792 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Larionova, Y. A. (2014). *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language]. 512 p. Moscow, Adelant. (In Russian)

The article was submitted on 14.03.2025
Поступила в редакцию 14.03.2025

Цзинь Ланьцзя,
аспирант,
МГУ им. М. Ю. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, ГПС-1.
kolobokkatya828@mail.ru

Jin Lanjia,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, GPS-1,
Moscow, 119991, Russian Federation.
kolobokkatya828@mail.ru